

Ссылка для цитирования:

Арясова А. Ю., Войнов К. Ю., Успанова К. Н. Коррупция как социальное явление в современной России // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский инженерно-строительный институт. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2015. № 2 (3). С. 34–39.

УДК 316.7

**БЕСПРИЗОРНИКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ:
ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД 1941–1945 гг.**

В. Г. Бобровников, Н. В. Дулина, Ю. Е. Игнатова

Волгоградский государственный технический университет

В статье рассматриваются основные направления деятельности местных органов власти Сталинградской области во время Великой Отечественной войны по решению проблем детской беспризорности и безнадзорности.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, дети-сироты, детские дома, Великая Отечественная война, Сталинградская область.

**HOMELESS CHILDREN IN THE WARTIME:
ISSUES OF SOCIAL PROTECTION IN STALINGRAD REGION IN 1941–1945**

V. G. Bobrovnikov, N. V. Dulina, J. E. Ignatova

Volgograd State Technical University

The paper considers the main directions in the work of local authorities in Stalingrad region during the Great Patriotic war and focuses on the measures that were taken to solve the problems of homeless and neglected children.

Keywords: homelessness, neglect, orphans, orphanages, the Great Patriotic war, Stalingrad region.

Государственная политика в отношении детей в России осуществляется уже достаточно давно. Первая попытка поставить признание на государственный уровень была сделана царем Федором Алексеевичем в 1682 г. «Нынешнего года, по указу Великого Государя..., велено построить две шпитальни или богадельни: одну в Знаменском монастыре, что в Китае (городе), а другую на Гранатовом дворе, что за Никитскими вороты. А на пропитание им будут вотчины...» [1, с. 32]. Обратим внимание, что текст книги, в которой был приведен этот исторический факт, начинался следующей фразой: «По мере развития гражданственности у нас в России, так же как и у других народов, общественное признание было предметом особенного внимания Правительства. Иначе и быть не могло: без общественного признания ни одно благоустроенное общество немислимо. Нищета, убожество, крайнее невежество, грубость нравов и, наконец, непредвиденные несчастья, постигающие как отдельные личности, так иногда и массу народа, – те общественные язвы, которые могут потрясти в основании всякий здоровый организм государства» (цит. по: [2]). А ведь текст был написан чиновниками такого консервативного ведомства, как МВД.

Направления работы в отношении детей (беспризорных, безнадзорных, детей-сирот) менялись в зависимости от роли государства, со-

циально-политической ситуации в стране, степени вовлеченности социума в разработку механизмов социальной защиты и поддержки детей, по разным причинам оставшихся без родителей [3]. В постсоветский период в нашей стране произошел пересмотр концепции государственного социального обеспечения, и вновь актуальной стала проблема внедрения специализированной системы по оказанию социальной помощи наиболее незащищенным категориям населения, прежде всего детям-сиротам, беспризорникам и безнадзорникам [4, 5].

На протяжении XX в. проблемы детской беспризорности и резкого увеличения числа детей-сирот неоднократно вставали перед руководством страны и всем обществом. Обострение проблем беспризорничества, как свидетельствует история, происходит в периоды масштабных социально-политических кризисов, одним из которых был период Великой Отечественной войны, а также в послевоенные годы, когда детская беспризорность и безнадзорность приобрели массовый неконтролируемый характер.

В отечественной науке первые исследования, посвященные изучению работы партийно-государственных органов СССР по организации социальной защиты детей в военный период (1941–1945 гг.), появились уже во время Великой Отечественной войны [6, с. 89]. Впоследствии исследователи, как правило, обращались

к региональному опыту реализации государственной политики в отношении беспризорников и безнадзорников, детей-сирот в военные годы, воспоминаниям самих участников событий. Следует сказать, что, как правило, это были либо сюжеты социальной истории, еще не прошедшие процедур научного осмысления и анализа (воспоминания участников событий), либо сборники документов. Среди профессиональных работ можно выделить труды историков, фиксирующие исторические рамки и хронологию событий, масштабы «бедствия», и юристов, которые освещают вопросы формирования правовых основ государственной политики в отношении детей на разных этапах исторического развития, проблемы борьбы с беспризорностью как социальным явлением в военные годы. Несмотря на то, что в своих работах авторы стремятся охватить наиболее существенные стороны детства в широком смысле этого слова, существует некоторая односторонность анализа комплекса проблем, относящихся к детству, а именно – его социально-исторического анализа. Следует признать и тот факт, что на региональном уровне указанные проблемы пока не получили достаточной проработки. Как правило, это воспоминания самих детей о тех страшных днях или сборники документов (см., напр., [7–11] и др.). Несомненно одно: вопросы социальной политики советского государства в годы войны всегда были и по-прежнему остаются предметом научного интереса исследователей.

Проблематика беспризорничества и безнадзорничества, к сожалению, остается востребованной и сегодня [12–14]. Авторы научных публикаций и диссертационных работ обращают внимание на то, что изучение опыта преодоления проблем детской беспризорности и безнадзорности во время Великой Отечественной войны актуально для решения проблем современного общества (см., напр., [15–18] и др.), подчеркивая необходимость проведения именно социально-исторических исследований, привлекающих аппарат как исторической науки, так и социологии.

Прежде чем приступать к изучению вопросов социальной защиты беспризорников в годы Великой Отечественной войны, необходимо разобратся с понятиями.

Исследование соотношения понятий детской беспризорности и детской безнадзорности позволяет установить, что в их содержании присутствует ряд общих признаков (см., напр., [19]). Как известно, беспризорность – особое социальное положение несовершеннолетнего, характеризующееся (приводится по: [16, с. 81]):

а) отсутствием постоянного места жительства, жилья для проживания (бездомностью);

б) разрывом отношений с родителями (лицами, их заменяющими), родственниками, педагогами, воспитателями и другими лицами;

в) отчуждением от всех институтов социализации личности детей и подростков (семьи, учебно-воспитательных, досуговых, медицинских и других учреждений), что влечет отсутствие семейного и государственного попечения, систематического воспитательного воздействия в результате утраты родителей, ухода из семьи, бегства из воспитательных учреждений и по другим причинам;

г) незанятостью общественно полезным трудом (учебой, работой).

К дополнительным признакам беспризорности относят также «отсутствие у детей и подростков определенных занятий, проживание в местах, не предназначенных для жилья, приобретение необходимых для жизни средств способами, нарушающими правовые либо другие социальные нормы» [20, с. 58].

Безнадзорными, в свою очередь, являются несовершеннолетние, контроль за поведением которых отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по их воспитанию, обучению и/или содержанию со стороны родителей (иных законных представителей) либо должностных лиц. Беспризорность и безнадзорность – это взаимосвязанные социальные явления, масштаб которых обычно возрастает под воздействием каких-либо природных (неурожай, стихийные бедствия и др.) и социальных (революции, войны, кризисы и т. д.) потрясений. Эти социальные явления – беспризорность и безнадзорность – обычно дополняют друг друга, определяя причинно-следственные явления социальных процессов, но иногда существуют и самостоятельно. Однако если определять причинно-следственные связи, то очевидно, что беспризорность представляет собой следствие безнадзорности. Сама же беспризорность является криминогенным фактором.

Великая Отечественная война, а также вытекающие из условий военного времени особенности социального, политического, экономического, духовного развития страны привели к обострению проблем беспризорности и безнадзорности. С первых же дней войны советские органы власти проводили активные мероприятия, направленные на помощь детям, оставшимся без родителей [21, с. 56]. Принятые меры в основном решили проблему детской беспризорности за счет значительного увеличения количества специальных детских домов и школ-

интернатов, которых, как отмечает А. Н. Варехина, «до начала Великой Отечественной войны... в РСФСР насчитывалось 1347, а контингент составлял 155 751 детей. В результате 250%-ного роста к 1 января 1943 г. только в системе Наркомпроса РСФСР насчитывалось 3000 детских домов с контингентом порядка 500 тыс. детей. Всего к 1943 г. в СССР функционировало 4370 детских домов, в которых находилось 688 750 воспитанников. В январе 1945 г. детских домов общего типа было 3124, в освобожденных районах появилось 129 специальных детдомов. Не остались без внимания и дети с ограниченными возможностями: для умственно отсталых детей было организовано 52 специальных учреждения, для незрячих и глухонемых детей – 193 учреждения. Детские дома принадлежали различным ведомствам – Народному комиссариату просвещения, Народному комиссариату внутренних дел, Народному комиссариату социального обеспечения и Наркомздраву РСФСР» [15, с. 32–33]. И далее: «В 1941 г. с захваченных врагом территорий было эвакуировано в тыл страны более 800 детских учреждений с 90 тыс. воспитанниками» [15, с. 33].

Как свидетельствует история страны периода Великой Отечественной войны, архивные документы, воспоминания участников событий, значительная часть детских учреждений эвакуировалась на Урал. Однако прибывали «детские эшелоны» и в другие районы страны, в том числе и в Сталинградскую область. Так, например, если до 1 октября 1941 г. в Сталинградской области находилось 27 детских домов, то в справке «О состоянии детских домов для эвакуированных детей» от 13 октября 1941 г. говорится о прибытии еще 59 детских домов, в которых находилось 8821 тысяча детей. Всего в детских домах пребывало 11 178 человек [22]. Прибывающих детей надо было одеть, обуть, накормить, решить вопросы трудоустройства, обучения их профессии, ремеслу. В 16 детских домах, как отмечалось в справке, имелось 36 различных мастерских, а с августа 1941 г. трудоустроено было 654 воспитанника. В ремесленные училища направлены 363 человека, в ФЗО – 16, на другие предприятия – 275 подростков [23].

Вполне ожидаемо, что во время Великой Отечественной войны вся работа по руководству процессом воспитания подрастающего поколения велась партийными и советскими организациями. Анализ протоколов заседаний бюро Сталинградского обкома ВКП (б) с 1941 по 1945 г. показывает, что вопрос об усилении внимания и заботы о детях неоднократно обсуждался. В ходе этих обсуждений выделялись и формулировались различные проблемы, намечались

пути устранения недостатков, промахов, разгильдяйства. Сухие цифры и казенные слова официальных документов, тем не менее, могут многое рассказать о тех далеких днях, ведь за каждой строкой, цифрой, сюжетом стоит конкретный живой человек со своей судьбой, надеждами, мечтами...

Вопросы государственного призрения детей постоянно находились на контроле Сталинградского бюро обкома партии в течение 1941–1942 гг., об уровне ответственности по этим вопросам могут свидетельствовать даже протоколы заседаний, на которых выступали первые лица области: А. С. Чуянов – первый секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) в период 1938–1946 гг.; М. А. Водолагин – с 14 февраля 1939 по 1 октября 1949 г. секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации; Н. С. Агринский – заведующий ОблОНО Сталинграда, участник создания и комсорг полка народного ополчения Сталинграда, участник обороны Сталинграда, который организовал эвакуацию из детских домов 10 тысяч детей, прибывших с Украины, Белоруссии, из Ленинграда и других населенных пунктов, оккупированных фашистами.

На заседании 29 августа 1941 г. А. С. Чуянов выступал с докладом «О состоянии вновь организованных детских домов для эвакуированных» [24]. Спустя четыре месяца, 20 декабря 1941 г., слушался доклад М. А. Водолагина «О состоянии работы школ и о мерах по ликвидации детской безнадзорности и беспризорности» [25]. Еще через три месяца – 16 марта 1942 г. – был заслушан отчет Н. С. Агринского «О выполнении постановления бюро Обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета от 10.11.1941 г. «Об усилении внимания к детям» [26].

Большое количество эвакуированных детских учреждений негативно сказалось (просто не могло не сказаться!) на всех сферах жизни детских домов региона, на их материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении, на обучении и воспитании прибывших детей. Ненадлежащее состояние детских домов не осталось незамеченным – было принято отдельное распоряжение СНК СССР от 23.01.1942 г. № 1092-РС о привлечении к ответственности виновных в бездушном отношении к детям в Оранжерейском, Икрянском и других районах Сталинградской области. По этому постановлению 30 января 1942 г. было проведено заседание Сталинградского бюро обкома ВКП(б), где констатировалось, что наблюдались заболевания детей на почве недоедания в Оранжерейском и Камышинском детских домах; факты обморожения детей в Володарском и Камызянском районах из-за отсутствия топлива;

в Кагановическом детском доме нет помещения, топлива, бани. Были сняты с работы и отданы под суд председатели райисполкомов и районов [27].

Полагаем, что большинство детских домов (и не только в Сталинградской области) испытывали серьезные трудности. Одну из важнейших причин этого обозначает А. Н. Варехина: «согласно постановлению СНК СССР, обувь и одежду воспитанникам должны были выделять исполкомы СНК из местных фондов. На местах финансовых средств в большинстве случаев не хватало, поэтому на протяжении всего военного времени детские дома испытывали острый дефицит в промышленных товарах. Серьезные проблемы возникли у эвакуированных детских домов и их воспитанников зимой 1941–1942 гг.» [15, с. 35].

Сложная материально-бытовая и медико-санитарная ситуация легко объясняется. К долгой, затяжной войне никто не был готов, эвакуация проходила спешно, началась она теплой осенью, основная масса детей уезжала в легкой летне-осенней одежде («в чем были, в том и поехали»), даже не взяв с собой теплую одежду (думали, что уезжают ненадолго).

Материальное положение эвакуированных детских учреждений существенно осложнялось нехваткой, мягко говоря, всего: кухонной посуды, столов, стульев, кроватей, предметов повседневного обихода, одежды, белья, обуви... В справке по Сталинградской области «О состоянии детских домов для эвакуированных детей» от 13 октября 1941 г. значится, что партийным руководством области были намечены меры по снабжению детей обмундированием, питанием и санитарно-гигиеническими мероприятиями. На два миллиона рублей было закуплено 6500 шт. пальто, костюмов – 4500, обуви – 7000, валенок – 2000, а также учебная литература на украинском, испанском и русских языках, продукты питания [28]. Литература на испанском языке в этот перечень попала не случайно – в детские дома Сталинградской области прибывали дети и из Испании.

В условиях жесткого дефицита промышленных товаров и продовольствия одним из способов преодоления сложной ситуации стала помощь детским домам со стороны местных жителей, которые и сами находились в тяжелейших условиях [29]. Кроме того, были намечены меры: усиление мероприятий по сбору вещей для эвакуированных детей, открытие в каждом районном центре специальных детских столовых. Комсомольским организациям предлагалось взять шефство над этими детскими столовыми; обеспечить детские дома из «столовых

фондовых продуктов питания»; отсеивать людей, случайно попавших в детские учреждения. Планировалось в течение февраля 1942 г. обеспечить шефство колхозов, предприятий и учреждений над детскими домами и детскими учреждениями; расширить сеть молочных кухонь для питания детей раннего возраста; привлечь к «строгой государственной ответственности виновных» [30]. На заседании Сталинградского бюро обкома ВКП(б) (30.01.1942 г.) перед партийными и советскими органами была поставлена важнейшая задача военного времени: «обеспечение детей, особенно из эвакуированных, всем необходимым с тем, чтобы дети как можно легче переносили трудности войны» [30].

В Сталинградской области (в городах Дубовке, Ленинске, Серафимовиче, Рудне) находились детские дома, которые принимали детей из Испании. Так, в г. Ленинске детский дом в 1942 г. содержал на государственном обеспечении 136 испанских детей. Вопрос об улучшении их положения выносился отдельно на заседание бюро ВКП(б) 14 мая 1942 г. Детский дом было решено перевезти в Арчединскую станицу и создать там подсобное хозяйство, чтобы «полностью обеспечить овощами и молочными продуктами» [31].

За январь 1943 г. было патронировано, усыновлено и трудоустроено 238 детей и подростков. С 1 января по 15 апреля 1943 г. в детские дома было направлено 2000 детей. Проблемами этого периода являлись: недостаточное трудовое воспитание из-за отсутствия производственных мастерских; военно-физическая подготовка, т. к. не было инвентаря и оборудования; недостаточное питание детей в г. Сталинграде. Поэтому заседание бюро Сталинградского обкома ВКП(б) постановило из 25 000 пайков, выделенных постановлением ГКО от 4 апреля 1943 г. по усилению питания детей, 3000 пайков передать в детские дома [32].

Напомним исторические рамки Сталинградской битвы: 17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г. Она оказалась самым кровопролитным сражением в истории человечества. Оборонительные бои на подступах к Сталинграду продолжались 57 дней и ночей, именно в это время и был издан приказ № 227, известный больше как «Ни шагу назад!». Но на заседании бюро Сталинградского обкома ВКП(б) решаются вопросы по усилению питания детей, ведь именно за ними будущее, и именно для них эта Победа.

21 августа выходит постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в освобожденных районах», по которому в области должно

было быть организовано 10 специальных детских домов на 1500 человек и 7 специальных детских приемников-распределителей на 440 человек [33]. Поэтому 1943 год стал годом формирования специальных детских приемников-распределителей в Сталинградской области, которые находились в ведомстве УНКВД. С 8 апреля по 20 декабря 1943 г. через эти распределители поступило 2009 детей и выбыло в детские дома и другие учреждения 1925 человек. Приемники-распределители функционировали в г. Сталинграде на 100 чел., в Камышине, Нижнем Чире, Михайловке и Урюпинске на 50 человек [34, 35].

С этого же года берет начало устройство специализированных детских домов, в которые принимаются исключительно дети фронтовиков, расстрелянных и убитых родителей. Так, в областном Арчединском детском доме находились дети «героических защитников Сталинграда, как погибших в боях, так и находящихся на фронтах Отечественной войны», – пишет в отчете инструктор отдела школ и вузов обкома ВКП(б) Семенова. Инструктор фиксирует, что этот детский дом был сформирован в январе 1943 г. Дети, собранные из блиндажей и землянок Сталинграда, прибыли 16 марта 1943 г. Они были чрезвычайно истощены, завшивлены, многие из них имели серьезные ранения от осколков снарядов и бомб, болели цингой, а 16 человек болели свиным тифом. Двенадцатилетняя Лена Тер ослепла от воздушной волны, глухонемой Витя восьми лет не знает ни имени, ни фамилии, ни места нахождения родителей. Десятилетняя Груня имеет дефекты в умственном развитии, четырехлетняя Галя совершенно не ходит из-за английской болезни.

Всего из Сталинграда, – продолжает Семенова, – поступило свыше 200 детей. У 147 из них родители погибли в период обороны города, в том числе у 77 детей матери убиты и расстреляны немцами. У 46 детей отцы сражаются на фронте, у остальных родители пропали без вести [36].

По Нижне-Чирскому специализированному детскому дому, образованному в сентябре 1943 г., соотношение принятых детей следующее: на 10.12.1943 г. в нем находилось 96 детей. Из них, дети фронтовиков – 72 чел.; расстрелянных и убитых – 8; у 5 чел. умерли родители; у 9 чел. родители потеряны; у двоих детей родители арестованы. По национальности: русских – 88 чел., украинцев – 3, евреев – 2, калмыков – 3 [37].

В некоторых характеристиках, составляемых на детей, были следующие эпизоды из их нелегких судеб. Так, Клава Буданова, ученица второго класса, рассказала, что ее мать была расстреляна немцами в г. Шахты как член ВКП(б). Сама она сидела в тюрьме с матерью. После расстрела

матери много скиталась и голодала. Отец на фронте. Отец Зои Пяткиной, ученицы седьмого класса, был расстрелян в г. Сталинграде. Он оставался в городе по заданию партии. Вова Вейберг, у которого отец немецкой национальности, был переселен из бывшей Немреспублики. Мать его находится в тюрьме. У Бориса Кислякова отец на фронте, а мать в тюрьме [38].

27 августа 1943 г. постановлением исполкома Областного совета в г. Калаче организуется Дом ребенка [39].

12 апреля 1944 г. выходит распоряжение СНК СССР за № 7950-Р о расширении сети специализированных детских домов, и в области увеличивается их количество; туда планировалось принять еще 1100 детей. Открываются специализированные детские дома в Новоаннинском, Березовском, Руднянском районах, в станице Филоновской и в г. Сталинграде. Отбор детей в специализированные детские дома должен был производиться областной Комиссией под председательством секретаря обкома тов. Бабкина.

Из отчета зав отделом школ и вузов Сталинградского обкома ВКП(б) А. Алексеенко следует, что в феврале 1944 г. направлено в детские дома 244 человека, в трудколонию – 3 чел., в ремесленные училища – 15 чел., в ФЗО – 12 чел. В детских приемниках-распределителях находятся 176 детей, которые поступили из Сталинградской, Ростовской, Ленинградской, Одесской, Днепропетровской, Ворошиловградской, Молотовской и других областей [34].

Из справки, направленной в Совнарком на имя В. М. Молотова от председателя Облсиполкома М. Зименкова и секретаря обкома ВКП(б) А. Чуянова, значит, что «на 31 марта 1944 г. в Сталинградской области находятся уже 8 специализированных детских домов с 1150 человек детей. Приток заявлений из районов области об устройстве детей воинов Красной Армии продолжается» [40].

Следует признать, что за период войны на территории Сталинградской области были созданы и достаточно хорошо организованы учреждения по социализации детей, проведена их трудовая подготовка, организовано трудоустройство воспитанников. Активно велась кампания по усыновлению детей, переводу их на патронат. Военное время требовало жесткой регламентации всех сторон жизни воспитанников детских домов, но следует признать, что это способствовало снижению беспризорности и безнадзорности детей. Недостатки были, и очень серьезные, о чем также свидетельствуют документы, в том числе и представленные нами выше по тексту. Однако, как справедливо замечает Е. Е. Красноженова, «государственными

органами, партийными, общественными, хозяйственными организациями были приняты меры по выявлению, задержанию, устройству беспризорных и безнадзорных детей. Большое внимание уделялось ограждению детей от уголовно-преступного элемента и созданию необходимых условий для нормальной жизни и учебы» [6, с. 92].

Все материалы, которые цитировались выше, демонстрируют гуманное отношение к детям, проявленное к ним социумом в нечеловеческих условиях Сталинградской битвы и Великой Отечественной войны в целом, где каждый день для любого участника событий мог стать последним. В первую очередь спасали, оберегали, опекали детей – будущее страны. Обществу в целом справилось с ситуацией беспри-

зорничества и безнадзорничества в стране, подтверждая, что государственная политика в отношении детей в период Великой Отечественной войны была достаточно эффективной.

Очень хочется верить, что проблемы беспризорных и безнадзорных детей нашего времени станут «предметом особенного внимания Правительства», как сказано в документе образца 1874 г. [2]. Перефразируя сказанное почти полтора века назад, можно утверждать, что нищета, убожество, крайнее невежество, беспризорничество и безнадзорничество детей и подростков – те общественные язвы, которые могут потрясти в основании всякий здоровый организм государства. Без общественного признания ни одно благоустроенное общество немислимо.

Список литературы

1. Историческое обозрение мер правительства по устройству общественного призрения в России. М. : Тип. Министерства Внутренних Дел, 1874. 185 с.
2. Ульянова Г. Н. История российской благотворительности в освещении историографии XIX – начала XX в. // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 161–166. URL: http://galinaulianova.ru/index.php?catid=38:books&id=105:history-blagotvoritelnost&Itemid=60&lang=ru&option=com_content&view=article/
3. Бобровников В. Г., Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. Практика решения проблем беспризорности и безнадзорности детей в истории России // Дети и общество: социальная реальность и новации : сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации / ред. коллегия: В. А. Мансуров (отв. редактор), Е. А. Губанова, Ю. В. Ермолаева, Е. Ю. Иванова, Е. А. Колосова, С. Н. Майорова-Щеглова, П. Ю. Павлов, И. А. Стрельцова. М. : РОС, 2014. С. 75–84.
4. Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. Сиротинка, поди на чужбинку... (или об отношении населения к беспризорности и безнадзорности детей и подростков в России) // Дети и общество: социальная реальность и новации : сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации / ред. коллегия: В. А. Мансуров (отв. редактор), Е. А. Губанова, Ю. В. Ермолаева, Е. Ю. Иванова, Е. А. Колосова, С. Н. Майорова-Щеглова, П. Ю. Павлов, И. А. Стрельцова. М. : РОС, 2014. С. 643–652.
5. Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. Семейное устройство детей как метод борьбы с беспризорностью (на примере г. Волжский Волгоградской области) // Научный потенциал регионов на службу модернизации : межвузовский сборник научных статей / Астраханский инженерно-строительный институт. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2013. № 3 (6). Т. 2. С. 91–94.
6. Красноженова Е. Е. Борьба с детской беспризорностью в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. 2013. № 1. С. 89–93.
7. Дети Сталинграда: Воспоминания. Волгоград : Комитет по печати и информации, 1998. 152 с.
8. Война глазами детей: очерки, воспоминания, документы / авт.-сост. Ю. В. Кулешова. Волгоград : Издатель, 2008. 152 с.
9. Мы родом из войны: Дети военного Сталинграда вспоминают. Волгоград : Издатель, 2004. 144 с.
10. Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области : документы / под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград : Панорама, 2008. 1360 с.
11. Сталинградское детство. 23 августа 1942 года... / сост. Г. В. Егорова, Е. А. Соколова. Волгоград : Издатель, 2012. 136 с.
12. Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. «Социальное дно» мира детства в современном российском обществе // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвуз. сб. науч. ст. № 5 (132) / ВолгГТУ. Волгоград, 2014. С. 47–51.
13. Муртазина Г. Р. Беспризорность и детская преступность – наши беды // Проблемы защиты прав несовершеннолетних и профилактики правонарушений в молодежной среде : в 2 ч. Ч. 2: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Шадринск : ШГПИ, 2010. С. 85–88.
14. Петрунина Е. В. Детская беспризорность – социальная болезнь XXI века // Актуальные проблемы правовой науки : межвузовский сборник научных трудов. Архангельск : Изд-во Поморского ун-та, 2003. Вып. 3. С. 369–379.
15. Варехина А. Н. Детские дома на Урале в годы Великой Отечественной войны // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 32–39.
16. Гусак В. А. Милиция в системе органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 9. С. 81–86.
17. Лукьяненко Н. Н. Проблема детской безнадзорности // Вестник инновационного евразийского университета. 2014. № 1. С. 78–82.
18. Меркурьева В. С. Реализация государственной политики в отношении детей-сирот в Сталинградской области в 1943 – начале 1950-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/realizatsiya-gosudarstvennoi-politiki-v-otnoshenii-detей-sirot-v-stalinskoi-oblasti-v-19>
19. Игнатова Ю. Е., Дулина Н. В. Беспризорники большого города, какого роду-племени будете? // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 16 (143). Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. С. 68–72.
20. Нецаева А. М. Детская беспризорность – опасное социальное явление // Государство и право. 2001. № 6. С. 57–65.
21. Ибрагимов Е. В. Роль детских домов в решении проблемы детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (на материалах Среднего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 3. Ч. 3. С. 56–59.

22. ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 13. Л. 28.
23. Там же. Л. 31.
24. Там же. Д. 7. Л. 610–611.
25. Там же. Д. 8. Л. 425–428.
26. Там же. Д. 60. Л. 207–208.
27. Там же. Д. 8. Л. 40–40 об.
28. Там же. Д. 13. Л. 29.
29. Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград : Перемена, 2005. 594 с.
30. ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 8. Л. 41.
31. Там же. Д. 61. Л. 186.
32. Там же. Оп. 14. Д. 5. Л. 75–76.
33. Там же. Оп. 18. Д. 19. Л. 26.
34. Там же. Д. 29. Л. 2.
35. Там же. Д. 248. Л. 78.
36. Там же. Л. 43.
37. Там же. Л. 82 об.
38. Там же. Л. 82 об.–83.
39. Там же. Л. 1.
40. Там же. Д. 19. Л. 130.

© В. Г. Бобровников, Н. В. Дулина, Ю. Е. Игнатова

Ссылка для цитирования:

Бобровников В. Г., Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. Беспризорники военного времени: вопросы социальной защиты в Сталинградской области в период 1941–1945 гг. // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский инженерно-строительный институт. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2015. № 2 (3). С. 39–45.

УДК 316.7

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СТУДЕНТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(по итогам социологического исследования)

Н. В. Дулина

Волгоградский государственный технический университет

В статье анализируются вопросы культурной памяти, приводятся результаты социологического исследования, проведенного под эгидой Российского общества социологов и посвященного 70-летию Великой Победы. Собран обширный и во многом уникальный материал, в котором выявляется отношение студенческой молодежи к событиям Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *память, культурная память, Великая Отечественная война, молодежь, студенты, связь поколений.*

CULTURAL MEMORY OF STUDENTS IN MODERN RUSSIA

(based on to the results of sociological research)

N. V. Dulina

Volgograd State Technical University

The paper analyzes the issues relating to cultural memory, it presents the results of the sociological research carried out under the aegis of the Russian society of sociologists and dedicated to the 70th anniversary of the Great Victory. The solid and unique material obtained reveals the attitude of students' community to the events of the Great Patriotic war.

Keywords: *memory, cultural memory, the Great Patriotic war, youth, students, generation ties.*

В год празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне с особой остротой встали вопросы памяти об этом событии. Проблема исторической и культурной памяти вышла на первый план не только в научных дискуссиях (о чем свидетельствует значительно возросшее количество публикаций по данной теме (см., напр., [1–10] и др.), но и в сферах, далеких от академизма, как своеобразный отклик на основополагающие проблемы внутри современного общества. В истории России событий, которые ныне подвергаются пересмотру, год от года только прибавляется.

В настоящее время достаточно много говорят о «войнах памяти», под которыми понимают современные ненасильственные, но носящие довольно агрессивный характер противостояния. Эти войны ведутся вокруг памяти об историческом прошлом. С одной стороны, понятно: нет и не может быть единого мнения об исторических событиях мирового масштаба, даже в момент их свершения. Но что люди считают важным помнить? Каждая из сторон – участниц этого исторического события имеет свои представления об этом. Сейчас, когда из жизни по вполне понятным причинам уходят последние живые свидетели событий Второй мировой